

Каменских А.А.

LIBER FIGRARUM КАК ИСТОЧНИК ПО ИОАХИМИТСКОЙ ЭСХАТОЛОГИИ

Иоахим Флорский... Пожалуй, во всей истории западной эсхатологии не найдётся другой такой фигуры, в которой, словно в фокусе, собирались бы лучи предшествующей традиции для того чтобы в изменённом, преломленном виде распространиться далее. В сочинениях Иоахима традиция экзегезы над ветхозаветными эсхатологическими текстами, некогда породившая Апокалипсис Иоанна, стремится к превращению в математически выверенный научный метод, образцы которого можно найти в позднейших работах Дж. Мида, Г. Мора, И. Ньютона. Впечатляет и невероятно широкая «целевая аудитория» идей Иоахима. В последние годы жизни калабрийского аббата его монастырь святого Иоанна Флорского на высокогорном безлюдном плато Сила оказался местом паломничества королей и королев, принцесс и римских пап; на Четвёртом Латеранском соборе (1215 г.) основанный им орден был признан одним из четырёх столпов Церкви¹. Обширная литература посвящена влиянию Иоахима на францисканское движение и на Данте²... Что же позволило этому автору пространных незаконченных латинских трактатов³, отнюдь не блещущих красотами слога, изобилующих повторами и противоречиями, завладеть умами своих современников, отбросить тень на последующие столетия?

Возможно, ответ на этот вопрос связан с одним из самых известных сочинений, атрибутируемых Иоахиму или кругу его ближайших последователей – с Liber Figurarum. Обнаруженная лишь в 1936 г. и опубликованная facsimile, с транскрипцией текстов и научным комментарием в 1953 г⁴.

¹ Robb F. The Fourth Lateran Council's Definition of Trinitarian Orthodoxy // The Journal of Ecclesiastical History. 1997. Vol. 48. P. 22–43.

² См., наприм.: Reeves M. The Influence of Prophecy in the Later Middle Ages. Oxford: Clarendon Press, 1969; West D.C., Zimdars-Swartz S. Joachim of Fiore: A Study in Spiritual Perception and History. Bloomington: Indiana University Press, 1983. Ch. VI.

³ Единственный текст, который Иоахим успел закончить и отредактировать – «Согласования Ветхого и Нового Завета».

⁴ Liber figurarum. Il libro delle figure di Gioacchino da Fiore. Edited by L. Tondelli, M. Reeves and B. Hirsch-Reich, 2 vols. Turin, 1953. Первое детальное исследование памятника см.: Reeves M. and Hirsch-Reich B. The “Figurae” of Joachim of Fiore. Oxford, 1972. Об истории находки рукописей Liber Figurarum см. также: McGinn. Disegni dei tempi. Il «Liber Figurarum» e la teologia figurativa di Gioacchino da Fiore (review) // The Catholic Historical Review. Vol. 94, Number 2, April 2008. P. 334 – 336. В электронном виде таблицы Liber Figurarum помещены на сайте Международного центра

эта книга уже несколько десятилетий находится в центре иоахимистских исследований. Рукописи *Liber Figurarum*¹ включают двадцать три цветные таблицы (некоторые представляют собой варианты одного изображения, так что говорят обычно о семнадцати основных таблицах), снабжённые комментариями подчас столь развернутыми, что подписи к рисункам превращаются в небольшие самостоятельные трактаты (*рис. 1*)².

Рис. 1. Таблица XIV из кодекса Reggio Emilia. Комментарий занимает практически всё пространство листа, свободное от изображения.

Содержание таблиц перекликается с основными произведениями Иоахима – «Согласования Ветхого и Нового Завета», «Толкование на Апокалипсис», «Десятиструнная псалтирь»: это учение о трёх эпохах («состоя-

иоахимистских исследований (Centro internazionale di studi Gioachimiti): http://www.centrostudigioachimiti.it/Gioacchino/GF_tavole.asp/

¹ На сегодняшний день известны три таких рукописи: Оксфорский кодекс (самый ранний из известных, создан в 1200–1230 гг. в Калабрии, предположительно в скриптории монастыря Иоанна Флорского; найден в Оксфорде в 1942 г. Фрицем Сакслом), кодекс Reggio Emilia (сер. XIII в., обнаружен 1936 г. Леоном Тонделли в Реджо-Эмилия в Северной Италии) и Дрезденский кодекс. Кроме того, есть ряд изображений, типологически близких к содержащимся в списках *Liber Figurarum* и предположительно восходящих к последним, из известных рукописей Иоахима.

² Перевод двух таких «трактатов» – комментария к таблицам XIV («Семиглавый дракон») и XII («Обустройство нового ордена народа Божия») см.: McGinn B. Apocalyptic Spirituality: Treatises and Letters of Lactantius, Adso of Montier-En-Der, Joachim of Fiore, the Franciscan Spirituals, Savonarola. New York: Paulist Press, 1979. P. 136 – 148.

ниях») мировой истории, с каждой из которых соотносится то или иное «сословие», наиболее полно выражающее дух данной эпохи (миряне, священники и монахи), тот или иной сакральный текст (Ветхий, Новый и грядущий третий Завет, «Вечное евангелие») и одна из ипостасей Троицы. Структурный изоморфизм сакральных текстов (Новый Завет является своего рода исполнением пророчеств, содержащихся в Ветхом) и, следовательно, изоморфизм соответствующих им эпох, делает возможным «согласование» (*concordia*) текстов, позволяет дедуцировать настоящее и будущее из прошлого, «узнавать» в современных событиях и лицах лица и события ветхозаветной и новозаветной истории.

Однако, в отличие от больших трактатов Иоахима, в *Liber Figurarum* его мысль предстаёт предельно выразительной, насыщенной, ёмкой. Это позволило первым исследователям памятника, М. Ривз и Б. Хирш-Райх, утверждать, что *Liber Figurarum* представляет своего рода ключ к системе Иоахима: *figurae* передают мысль Иоахима в наиболее «аутентичной» форме; это своего рода эйдосы, способные разворачиваться при необходимости в пространные тексты, подобные «Десятиструнной псалтыри» или «Согласованиям»¹. Такой взгляд на Иоахима как своего рода «picture thinker», мыслящего сложными символическими визуальными образами, находит основание в некоторых автобиографических текстах калабрийского аббата. Так, в предисловии к «Десятиструнной псалтири» он описывает опыт «духовного видения», посетившего его в день Пятидесятницы в 1184 г. в цистерцианском монастыре Касамари:

«И в тот час, когда я вошёл в церковь, чтобы вознести молитву Всемогущему Богу пред святым алтарём, я был вдруг охвачен смущением о Троице – как если бы трудно было поверить или уразуметь, что все Лица суть один Бог, а один Бог – все Лица. Когда это произошло, я взмолился из всех моих сил. Весьма напуганный, я возвзвал к Духу Святому, чей праздник был избран из всех дней, чтобы явить мне святое таинство Троицы. По обетованию Господа, в Троице будет явлено всецелое ведение истины. Я повторял это и начал петь псалмы, чтобы их число исполнилось. Без промедления в тот миг в моём уме явился образ десятиструнной псалтири. Таинство Святой Троицы сияло в нём столь ярко и ясно, что я воскликнул в тот же миг: «Какой Бог столь велиk, как наш Бог?»²

Образ десятиструнной псалтири – один из ключевых символов, наряду с образами орлов, деревьев, кругов, альфой и омегой проходящий через все произведения Иоахима и находящий визуальное воплощение в

¹ Reeves M. and Hirsch-Reich B. The “Figurae” of Joachim of Fiore. Oxford, 1972. P. X.

² Ten-Stringed Psaltery (Venice, 1527), Preface, f. 227r-v. Цит. по: McGinn B. Apocalyptic Spirituality: Treatises and Letters of Lactantius, Adso of Montier-En-Der, Joachim of Fiore, the Franciscan Spirituals, Savonarola. New York: Paulist Press, 1979. P. 98 – 99.

таблицах *Liber Figurarum*. Весьма соблазнительно предположить, что Таблица XIII из кодекса *Reggio Emilia* (*рис. 2*) восходит к тому образу, который явился в уме Иоахима во время молитвы.

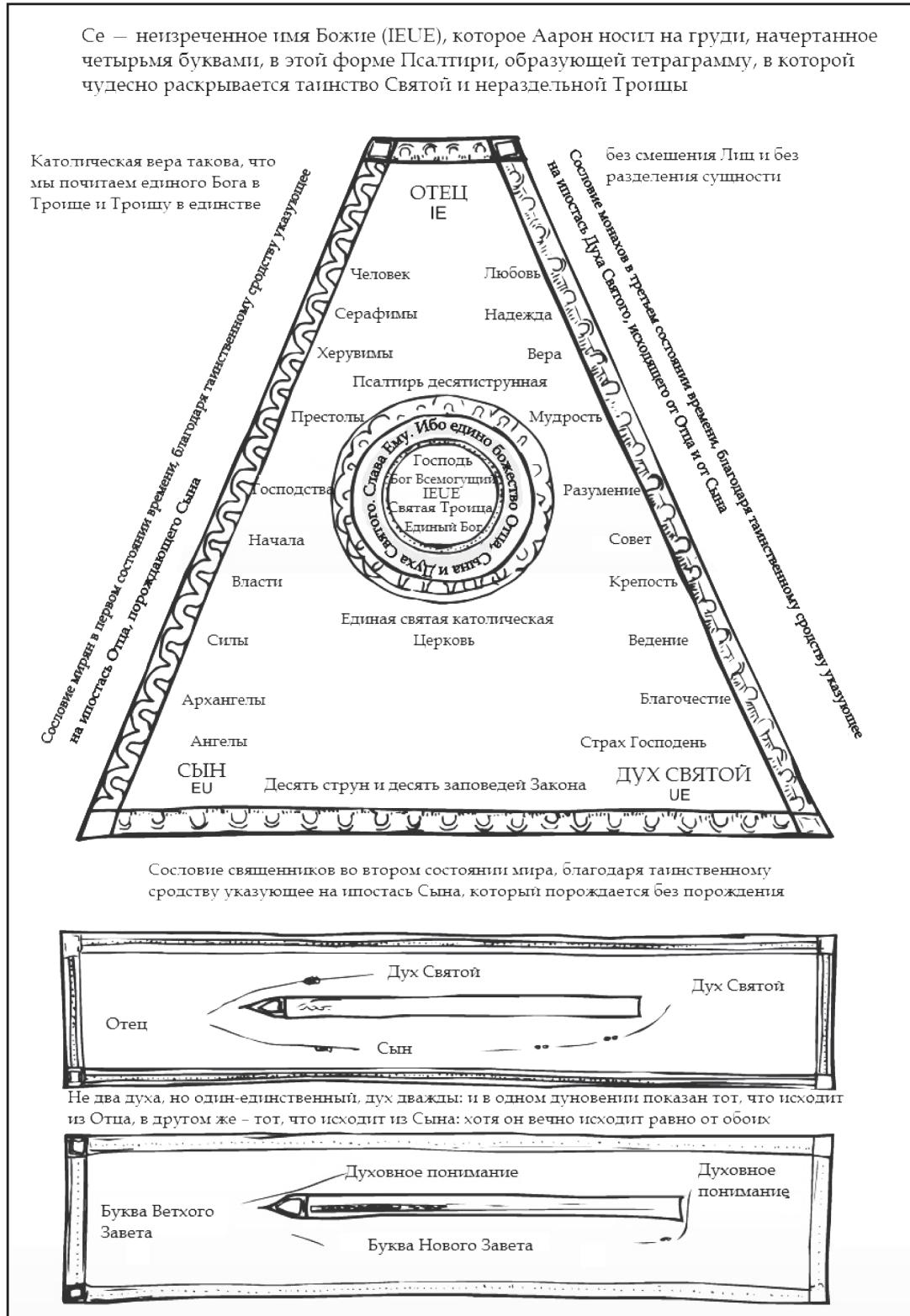

Рис. 2. Десятиструнная псалтирь. Таблица XIII из кодекса Reggio Emilia.

В самом образе псалтири Иоахим находит символ, позволяющий раскрыть через вечное отношение ипостасей Троицы друг к другу (стороны треугольного корпуса псалтири) и к единству божественной сущности (центральное округлое отверстие голосника) внутреннее единство и особность, своеобразие этапов исторического процесса.

Следует отметить чрезвычайно важное для тринитарного богословия и теологии истории Иоахима учение: Тетраграмматон – непроизносимое четырёхбуквенное обозначение имени Божьего (Иоахим передаёт его латиницей как IEUE), – соотносится здесь с лицами Троицы на основании католического учения о исхождении Духа Святого (Е) от Отца (И) и от Сына (У).

Слева струны псалтири крепятся к колкам – девяти ангельским чинам, иерархия которых венчается десятым чином – человеком. Превосходство человека над ангелами знаменовано богооплощением, вочеловечением Сына. «Колки» с правой стороны – семь даров Духа Святого и три теологические добродетели, высшая из которых – любовь. Корона из зелёных лепестков, обрамляющая отверстие «голосника», символизирует всю Церковь, объединённую в песни хваления. Этот образ нередко соотносят с текстом из XXXI-й песни «Рая», где Данте изображает единство ангельских хоров и торжествующей Церкви Ветхого и Нового Завета вокруг Троицы.

Ниже псалтири помещены две диаграммы. На первой показано, как двоякое исхождение Духа Святого от Отца и от Сына обуславливает вечность Духа Святого двум другим ипостасям. На второй диаграмме (которая может быть наложена на первую) показано, что духовное понимание Писания, которое даруется Духом Святым и достигнет совершенства в третьем состоянии мира, выводится из соответствия между буквой Ветхого Завета, относящегося к Отцу, и буквой Нового Завета, относящегося к Сыну.

Отметим то почти поэтическое изящество, с которым Иоахиму в данной *figura* удаётся согласовать (в духе его любимой *concordia*) вечность и время¹.

Не менее сложной по своему содержанию является *figura XIb* Кодекса Reggio-Emilia, «Тринитарные циклы» (рис. 5). Троица в понимании Иоахима – это своего рода «метаструктура», определяющая весь ход истории и стоящая как за веком Ветхого Завета, так и за веком Нового Завета. Это трансцендентная парадигма и центр конвергенции трёх «веков» или «состояний». Первое состояние – век Отца, второе состояние – век Сына, третье состояние – век Духа Святого. Цветовое различие кругов указывает на

¹ См. также примеч. 12.

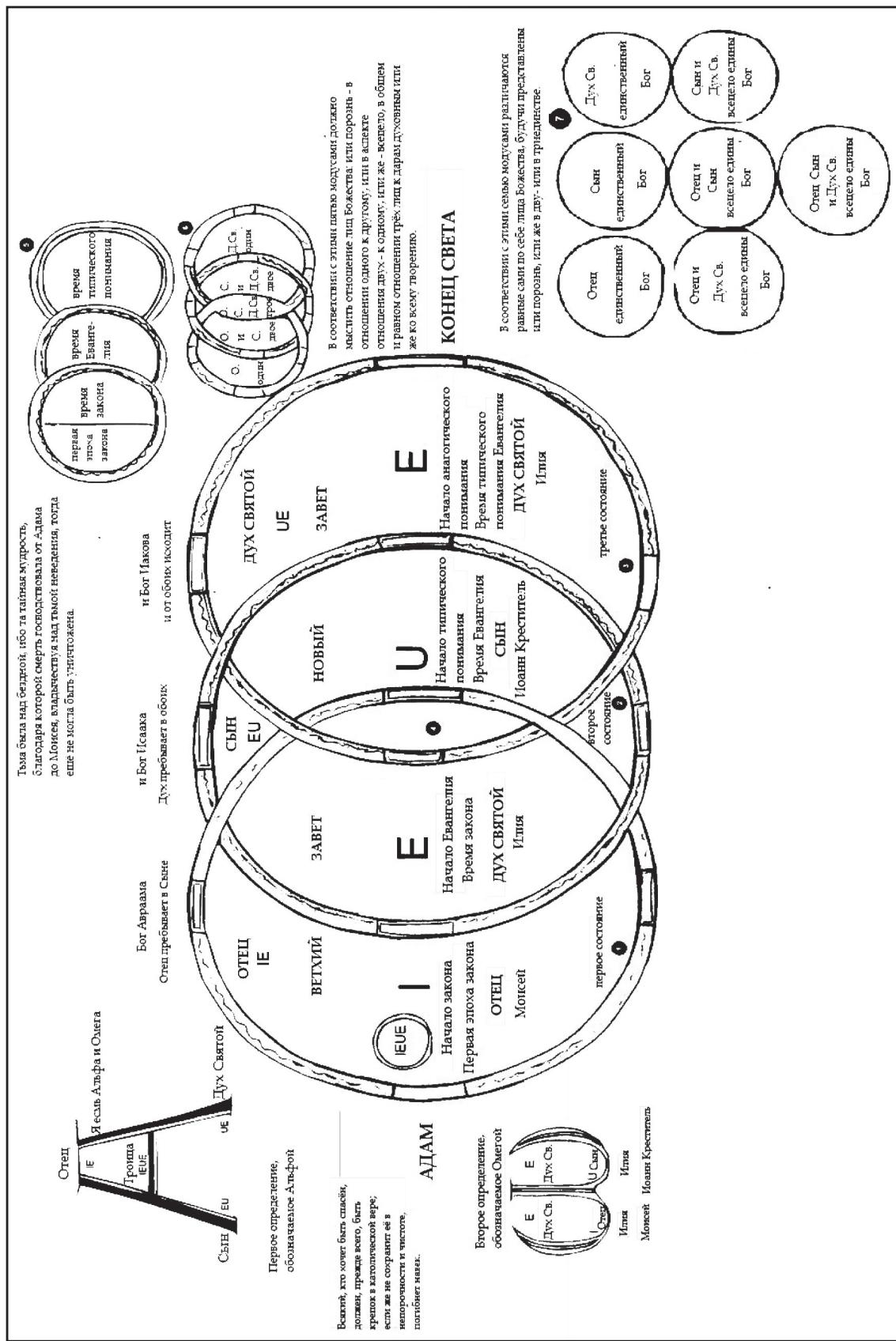

Рис. 5. Тринитарные циклы. Таблица XI из Кодекса Регgio Emilia

ипостаси Троицы: круг, обозначающий Отца, творца природы – зелёный; центральная окружность, указывающая на Сына, сшедшего с небес, – голубая; окружность, указывающая на Духа Святого – Любовь, – красного цвета. Отношение между ипостасями выражено двояким образом: во-первых, особого рода динамизмом пересечений окружностей – пересечение зелёной окружности с голубой и красной указывает на вечное порождение Отцом Сына и на исхождение из Отца Духа Святого (то же значение имеет изображение заглавной Альфы в верхнем левом углу схемы: Двою исходят из Одного); пересечение зелёной и голубой окружностей с красной указывает на исхождение Духа Святого от Отца и Сына (на это же указывает изображение Омеги внизу слева: Один исходит от Обоих). Центральный элемент фигуры, образованный пересечением всех трёх циклов, указывает на единство сущности Божества¹. Во-вторых, на отношение ипостасей указывает последовательность букв Тетраграмматона, с которой мы уже встречались при рассмотрении предыдущей *figura*. Ещё первыми исследователями памятника было установлено, что использование символики Тетраграмматона в тринитарном богословии не было самостоятельной находкой Иоахима. Ещё в 1109 г. Пётр Альфонси (до крещения – Моисей Сефарди, 1062–1110) в сочинении «*Dialogi Contra Iudeos*» приводит триадологические схемы, аналогичные тем, которые мы находим в таблицах XIII и XIb *Liber Figurarum* (*рис. 3 и 4*)².

Чего не было у Петра Альфонса, так это попытки наложить схему «тринитарного тетраграмматона» на исторический процесс. Мы видели, что уже в *figura XIII* «Псалтиль-Тетраграмматон» не только указывает на единство и неслияность Ипостасей, но и оказывается парадигмальным основанием самого творения – небесного и земного. В «Тринитарных циклах» та же мысль выражена ещё более ясно: Дух Святой исходит от Отца не только в вечности, в историческом процессе это исхождение таинственным образом знаменуется деятельностью пророка Елисея в эпоху Ветхого Завета; так же, как исхождение Духа от Сына в эпоху Нового Завета проявляется в деятельности святого Бенедикта Нурсийского (*initiatio* эпохи Духа Святого, которая, согласно Иоахиму, должна прод-

¹ В исследованиях, посвященных рецепции идей Иоахима (см., наприм., McGinn B. *Ibid.* P. 106.), данную таблицу справедливо сопоставляют с созерцанием Троицы в последней песне дантовского «Рая» (XXXIII, 115–120): «Я увидал, объят Высоким Светом, / И в ясную глубинность погружён, / Три равнёёмких круга, разных цветом. / Один другим, казалось, отражён, / Как бы Ирида от Ириды встал; / А третий – пламень, и от них рождён» (пер. М. Лозинского).

² Примечательно, что Иоахим использует для передачи еврейских букв Тетраграмматона те же латинские буквы, что и Пётр Альфонси.

литься до «свершения мира» и знаменоваться особым, «анагогическим» пониманием Писания).

Рис. 3. Тетраграмматон из *Dialogi Contra Iudeeos*

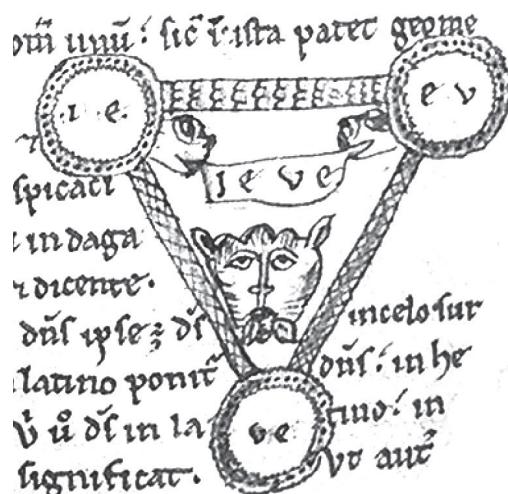

Рис. 4. Тетраграмматон из *Dialogi Contra Iudeos* (по Patrologia Latina Миня, том 157, столбец 611) (разворот 153v рукописи «J1», XII в.) *¹

Здесь мы подходим вплотную к вопросу о пресловутом мелиоризме калабрийского аббата. Несмотря на «равночестность» Ипостасей и соответствующих им эпох мировой истории, каждая последующая стадия, по Иоахиму, оказывается «лучше» предшествующей: эпоха Евангелия «лучше» эпохи Закона, так же как грядущая эпоха Духа будет лучше настоящего состояния человечества. В самом непосредственном виде эта тенденция выражена в *XXII-й таблице Liber Figurarum*, «Древе тринитарных циклов» (рис. 6)². Здесь мировая история представлена как дерево, произрастающее из головы праведника Но亞, символизирующего в этой схеме Бога-Отца. Три сына Ноая – ветви дерева истории: побег Хама засох, но

¹ Данный список *Dialogi Contra Iudeos* включен в Манускрипт E.4 собрания библиотеки Колледжа Святого Иоанна Кембриджского университета. См.: http://www.joh.cam.ac.uk/library/special_collections/manuscripts/medieval_manuscripts/medman/A/Web%20images/E4f153v.htm. Отметим, что эта версия «тринитарного тетраграмматаона», аналогичная «псалтири» с таблицы XIII *Liber Figurarum*, впоследствии послужила основой теологии знаменитого «щита Троицы».

Вероятно, к тому же Петру Альфонсу, сыгравшему для Иоахима роль моста между иудейской и христианской традициями, восходит основанное на анаграмме шогам (ивр. «оникс») и га-Шем («это Имя») отождествление ониксов с начертанными на них именами сыновей Иакова, которые Аарон носил на груди во время богослужения (Исх. 28:12), с Тетраграмматоном, именем Божиим (см. рис. 2, figura XIII).

² Эта figura сохранилась лишь в Оксфордском кодексе *Liber Figurarum*.

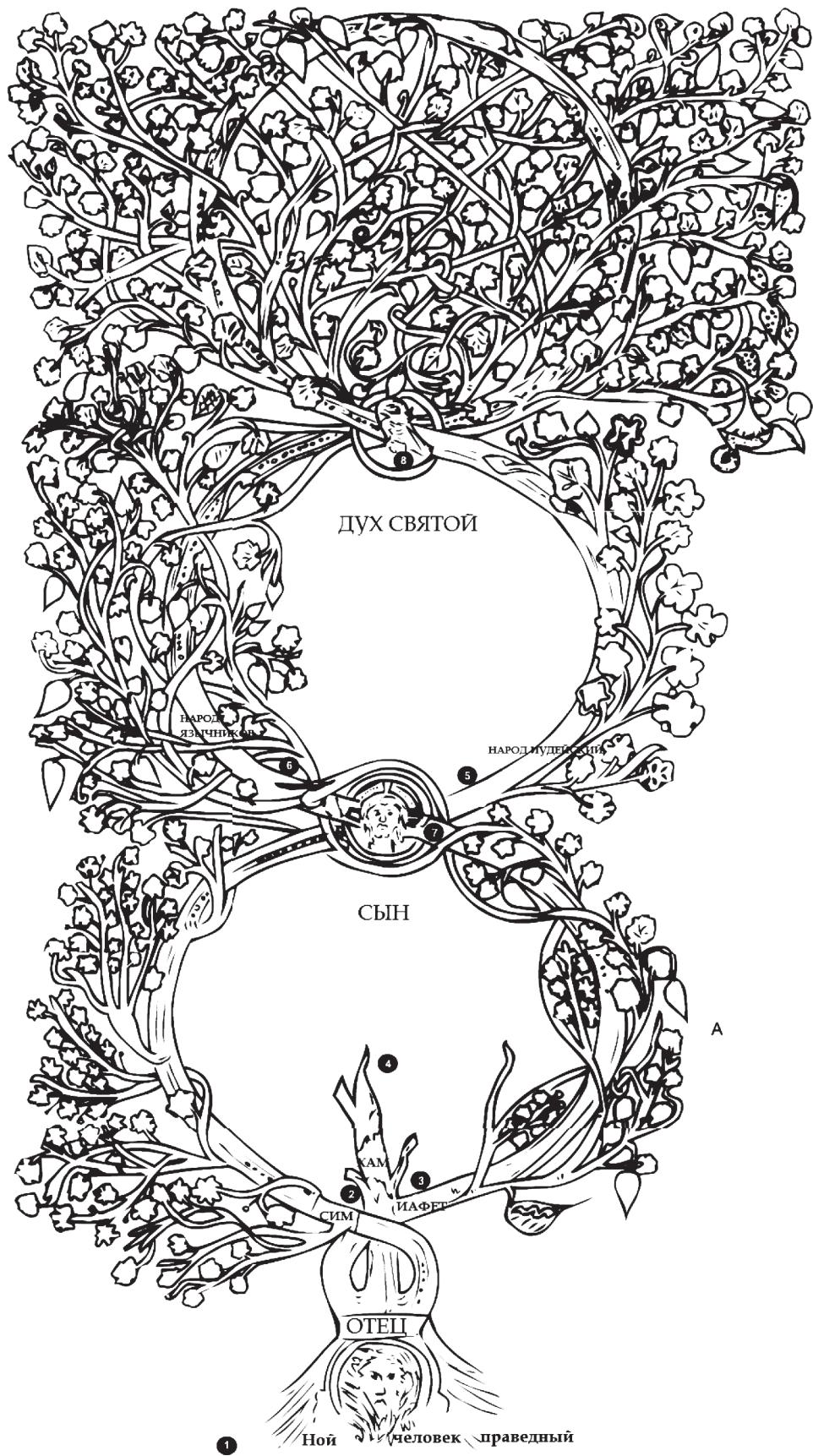

Рис. 6. Древо тринитарных циклов. Таблица XXII из Оксфордского кодекса

Сим слева (еврейский народ) и Иафет справа (язычники) – это два народа, судьбы которых образуют весь исторический процесс. На первом этапе (эпоха Отца) обильно процветают евреи, на втором (в эпоху Сына) – напротив, язычники. Однако в последнем и высшем цикле мировой истории, в грядущем веке Духа Святого, евреи обратятся к вселенской Церкви, обе ветви соединятся и процветут в изобилии цветов и плодов.

Впрочем, как показывает *Таблица XIII* из Оксфордского кодекса («Два дерева с боковыми ветвями»), в этом движении мировой истории по восходящей есть свои магистральные и тупиковые пути, причём, в силу взаимной изоморфности циклов исторического процесса, для каждого из магистральных и тупиковых путей одной эпохи может быть найдено соответствие в другой (*рис. 7*). Первое из изображённых здесь деревьев символизирует век Ветхого Завета, второе – век Нового Завета. Главные действующие лица истории спасения расположены симметрично друг другу, образуя восходящие линии стволов, соответствующих преемственности обетования в эпохи Ветхого и Нового Заветов. Подобно тому, как из сыновей Авраама Исаак, а не Измаил, оказался наследником обетования (точно так же, как Иаков был предпочтён Исаю, Иосиф – Рувиму, а Ефрем – Манассии), так и в эпоху Нового Завета, древо которого произрастает из чина двенадцати патриархов, наследниками обетования оказываются язычники, а не иудеи, римская церковь, а не греческая, монахи, а не священники, цистерцианцы, а не клунийцы. «Тупиковые направления» исторического процесса изображены здесь боковыми ветвями деревьев. Они остаются живыми, покрытыми листвой и цветами, однако плодоносными в эпоху Духа Святого окажутся лишь те ветви, которые произрастут на вершине, из ствола¹.

Таблица II из Кодекса Reggio Emilia («Древо двух пришествий», *рис. 8*) представляет собой своего рода иллюстрацию к сложным математическим историософским выкладкам, которым посвящены многие страницы «Согласований Ветхого и Нового Завета». Здесь изображены основные действующие лица и события исторического процесса – от Адама до второго пришествия. От Адама до Иисуса Христа длится время Ветхого Завета, соответствующее Веку Отца. От первого пришествия Христа до конца истории продолжается время Нового Завета, включающее в себя век Сына и последний период мировой истории – век Духа Святого. Образ Христа, занимающий центральное положение на древе истории, отмечает событие первого пришествия (Воплощение – Смерть – Воскресение), в котором совершается Искупление. Он помещён и на самой вершине дре-

¹ В XIII в. с двумя ветвями, произрастающими на вершине дерева Нового Завета, часто отождествлялись францисканский и доминиканский ордена. См.: McGinn B. Apocalyptic Spirituality... P. 151.

ва, знаменуя второе пришествие (воскресение мёртвых и страшный суд), торжество правды и славу вечности.

Значимыми в историко-библейской системе согласований являются и ветви, представляющие внизу 12 колен Израиля (десять произрастают из фигуры патриарха Иакова и две – из изображения пророка Озии), а выше – 12 христианских церквей, произрастающие из образа Христа. Интересно отметить цветовой символизм: три цвета сплетающихся ветвей (колен народа Божия и христианских общин) – зелёный, голубой, красный, – соответствуют трём ипостасям Троицы (ср. *figura XI b*) и указывают на соприсутствие ипостасей на всех этапов исторического процесса¹.

Вдоль ствола древа следуют друг за другом 63 поколения века Отца, который завершается Христом, разделённые на три группы по 21 поколению в каждой: от Адама до Исаака, от Иакова до Амасии, от Озии до Христа. Кроме того, 63 поколения эпохи Сына, начавшейся с Озии, также разделены на три группы, по 21 в каждой. Таким образом, на протяжении 21 поколения от Озии до Христа одновременно совершаются последняя часть эпохи Отца и начальная часть эпохи Сына².

Следует отметить подчёркнуто традиционный характер эсхатологической перспективы, обозначенной на этой таблице: в представленной здесь бинарной схеме век Духа Святого включён в эпоху Нового Завета. Впрочем, если сопоставить данную схему с текстами «Согласований», можно отметить полное соответствие памятников друг другу: на схеме сорок второе поколение от Озии обозначено именем Бенедикта Нурсийского, основателя западного монашества, с которым Иоахим связывал *initiatio* эпохи Духа Святого. Двадцать второму поколению от Бенедикта на схеме соответствует второе пришествие Христа, в математических выкладках «Согласований» – начало «плодоношения» (*fructatio*) эпохи Духа Святого, которое продлится до конца времён³. Отметим ещё одну деталь: по Иоахиму, начало «плодоношения» каждой новой эпохи предваряется явлением пророка Илии: «в духе Илии» пришёл Иоанн Креститель, чтобы благовестовать о Христе⁴; очевидно, «плодоношению» века Духа Святого в двадцать втором поколении после Бенедикта (приблизительно рубеж

¹ К слову, это соприсутствие всех трёх Ипостасей в отношении Бога к творению также особо подчёркивается в комментарии к таблице XI b.

² Захария и Иоанн Креститель, дополняющие число поколений до необходимых 21, указаны отдельно, в стороне от ствола: они не относятся к прямой линии поколений, ведущей к Христу

³ Иоахим Флорский. Согласование Ветхого и Нового Заветов. II.1.4 // Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского средневековья. СПб.: Издательство РХГИ. 2001. С. 65.

⁴ Лука, 1:17.

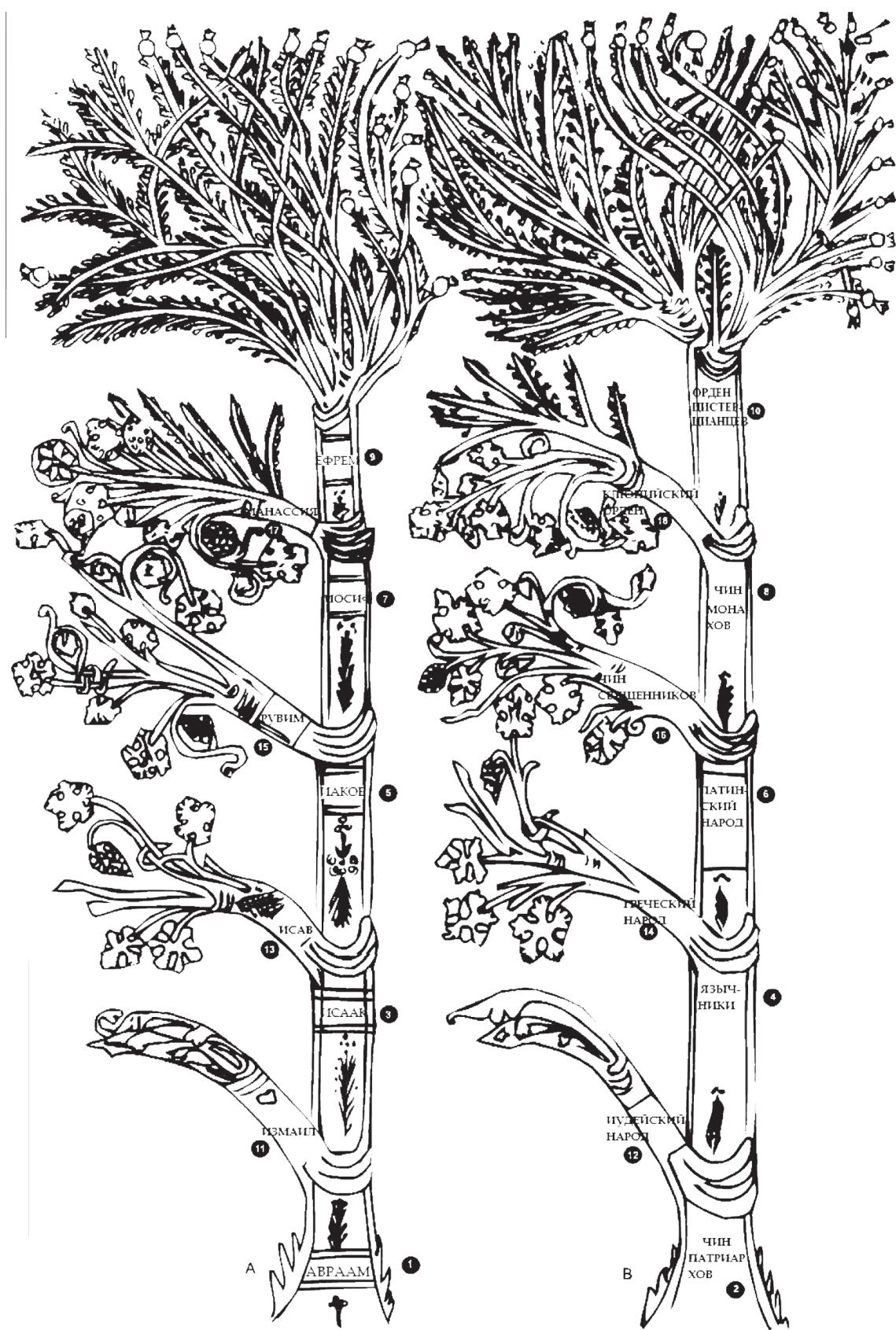

Рис. 7. Таблица XIII из Оксфордского кодекса («Два дерева с боковыми ветвями»)

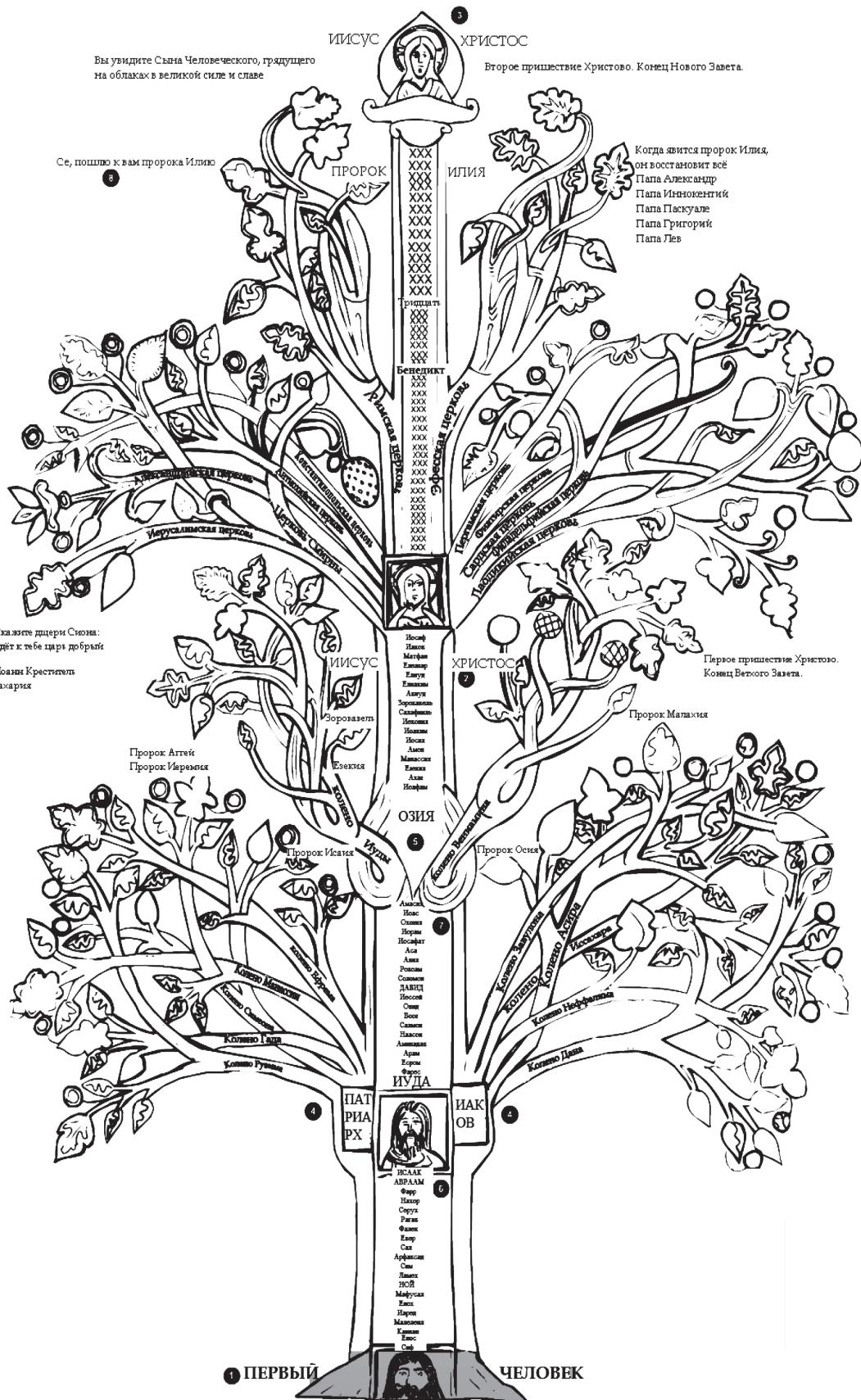

Рис. 8. Таблица II из Кодекса Reggio Emilia («Древо двух пришествий»)

XII–XIII вв.) также должно предшествовать явление пророка новой эпохи. Почитатели Иоахима считали носителем пророческого духа Илии самого калабрийского аббата.

Однако Иоахим был убеждён, что наступлению новой эпохи будет предшествовать период тяжелых испытаний и притеснений Церкви. Для своих современников аббат был не только провозвестником эпохи Духа Святого, но и пророком, предупреждающим о близком приходе Антихриста. Не удивительно поэтому, что *figura* таблицы XIV Кодекса Reggio Emilia («Семиглавый дракон», *рис. 9*), известная по множеству вариаций и в рукописях других сочинений Иоахима и более поздней иоахимитско-францисканской литературы, является, пожалуй, своеобразным символом учения калабрийского аббата. Структурную парадигму каждой эпохи Иоахим находил в Шестодневе; поэтому, подобно чередованию дней и ночей, семь периодов процветания в каждой из эпох разделены периодами кризисов и испытаний («снятием печатей»).

На данной таблице представлены семь «кризисов» второй эпохи – века Сына. Пространный комментарий к схеме – парафраз текстов Книги Даниила и Откровения Иоанна. Семь голов красного дракона символизируют семерых царей, гонителей Церкви, из которых «пять пали, один есть, а другой ещё не пришёл, и когда придёт, не долго ему быть» (Откр. 17:9–10). Согласно Иоахиму, первая голова – Ирод («Первое гонение, от иудеев. Время апостолов»), вторая – император Нерон («Второе гонение, от язычников. Время мучеников»), третья – император-арианин Констанций II («Третье гонение, от еретиков. Время учителей»), четвёртая – Мухаммед («Четвёртое гонение, от сарацинов. Время дев»). Пятая голова указывает на загадочного «Месемота» (*Mesemoth*), пояснение к изображению гласит: «Пятое гонение, от сынов Вавилона по духу, а не по букве. Время монашествующих... Позже вы узнаете, почему можно называть этого короля Месемотом». Шестая голова – Саладин («Шестое гонение началось»). Седьмая же голова указывает на грядущего Антихриста.

Последователи Иоахима в XII–XIII вв. и исследователи в XX в. связывали «Месемота» с неким мавританским правителем или с одним из германских императоров¹ (Генрихом I, Генрихом IV); но гораздо более

¹ McGinn B. Apocalyptic Spirituality... P. 294: “The Exposition on the Apocalypse, f. 134va, says that the Mauri are popularly called Meselmuti, so Joachim seems to have had some north African Moorish ruler in mind here. See Reeves and Hirsch-Reich, The Figurae, pp. 87-88. Other texts in the Exposition and in the early Commentary on an Unknown Prophecy identify the fifth head with a persecution of the King of Babylon, that is, a German Emperor”.

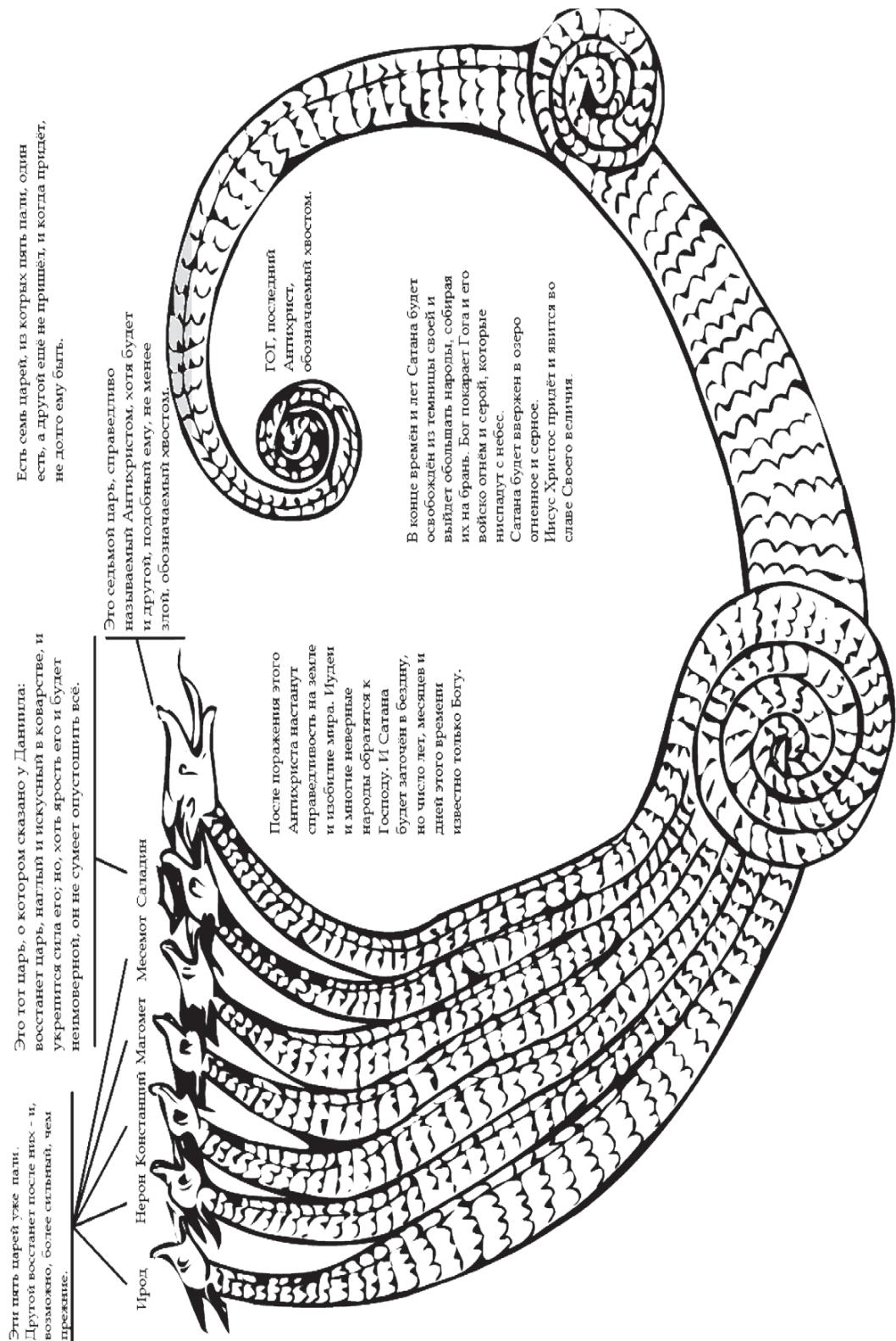

Рис. 9. Таблица XIV Кодекса Reggio Emilia («Семиглавый дракон»)

интригующим представлялся, разумеется, поиск грядущего (или уже пришедшего в самом конце XII в.) Антихриста¹.

Господство Антихриста будет длиться недолго, уже скоро начнётся эпоха Духа Святого. Однако и она, в соответствие с тем же принципом структурного изоморфизма, будет разделена рядом кризисов. На схеме последний из «кризисов» грядущей эпохи Духа Святого обозначен приходом «Второго Антихриста», Гога (в завитке хвоста дракона), который в конце времён освободится из заточения и обрушится на Церковь. Победой над этим последним врагом, после которой наступят воскресение мёртвых и Страшный суд, будет ознаменован конец истории.

В завершение нашего очерка рассмотрим ещё одну схему исторического процесса – *figura* на Таблице XVIIIа Кодекса Reggio Emilia («Семь веков», *рис. 10*). Как и на предыдущей схеме, в качестве структурной парадигмы исторического процесса здесь выступает Шестоднев – шесть дней творения, венчающиеся седьмым днём покоя (Быт. 1:3–2:3). Неделя творения выступает не только как общая парадигма всего исторического процесса (центральная часть *figura*)²; любая из исторических эпох также семичастна. В нижней части схемы изображены семь «дней» (или веков, *saecula*) эпохи Отца. Каждый такой век включает в себя десять поколений (приблизительно по 30 лет каждое). На протяжении первых шести веков от Адама до Иоанна Крестителя Бог-Отец действовал посредством закона и пророков и требовал совершенного послушания. В седьмой век Он освобождает верующих в Него от рабства закону посредством Духа Святого, который в Троице исходит от Отца и, таким образом, посыпается Им в мир. Этот седьмой век знаменован первым явлением Духа Святого и совпадает с первой субботней стадией истории, в которой Отец отдыхает от трудов Первой эпохи³.

В верхней части схемы изображены семь веков эпохи Сына. На протяжении первых шести веков Сын, Господь Вселенной, в Троице исходящий от Отца и Отцом посланный на землю, требует от верующих в Него со-

¹ См. обстоятельное исследование: Lerner R.E. Frederick II, Alive, Aloft and Allayed in Franciscan-Joachite Eschatology // The Use and Abuse of Eschatology in the Middle Ages. Leuven: Leuven University Press, 1988. P. 359 – 384; также см.: Lerner R.E. Antichrists and Antichrist in Joachim of Fiore // *Speculum*. Vol. 60, No. 3. Jul. 1985. P. 553 – 570; McGinn B. Two Thousand Years of the Human Fascination with Evil. N.-Y.: Columbia University Press. 2000. P. 139 – 142.

² Это общее для всей христианской традиции представление можно встретить ещё в Послании Варнавы (I в.).

³ Не совсем ясно, правда, совпадает ли начало «субботы» Первой эпохи с *initiatio* эпохи Сына. На это, как будто, указывает то, что два первых «дня» Второй эпохи (в верхней части схемы) совпадают по времени с завершающей стадией эпохи Отца.

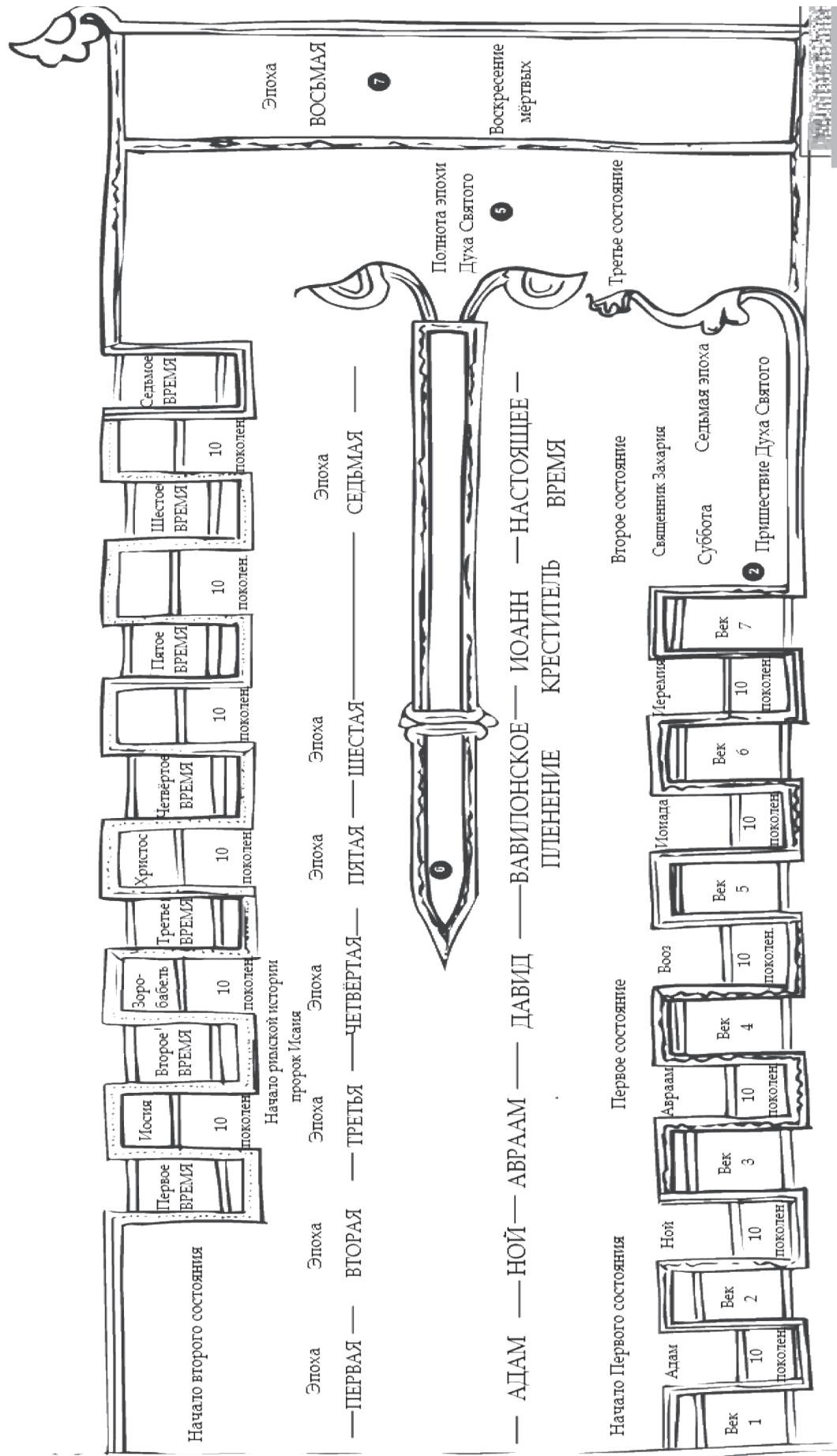

Рис. 10. Таблица XVIIIа Кодекса Reggio Emilia («Семь веков»)

вершенного следования учению. В седьмой век Он дарует своим верным изобилие любви и полную свободу посредством милости Духа Святого, который в Троице исходит от Отца и от Сына и Сыном будет ниспослан на землю. Так начнётся духовное состояние, присущее Третьей эпохе.

В средней части схемы представлен весь мировой процесс, в котором каждая историческая эпоха соответствует тому или иному дню творения. Первые шесть этапов истории наполнены трудами и страданиями. Последний, седьмой, соответствующий субботнему покою, будет в изобилии наполнен миром и свободой, и Дух Святой будет царить повсюду. Эпоха Отца распространяется на пять веков («дней») мира, от Адама до Озии. Эпоха Сына, которая, по мнению Иоахима, уже подходит к концу, соответствует шестому «дню». Эпоха Духа Святого соответствует седьмому и последнему «дню» мира. Следует обратить внимание на изображение трубы, протянувшейся от эпохи Давида до конца времён. Она указывает на нарастание полноты пророческого откровения в ходе истории. Раструб трубы соответствует Третьей эпохе (эпохе Духа Святого) и обращён к вечности, которая именуется здесь «Восьмой эпохой», следующей за воскресением мёртвых.

Итак, Иоахим предлагает модель, позволяющую понять каждую историческую эпоху и любое событие как момент единого направленного процесса – истории спасения. Наглядность красочных образов *Liber Figurarum* скрывает под собой числовую структуру, остающуюся неизменной при переходе от таблицы к таблице или к текстам развёрнутых трактатов; узнаваемость этой структуры в многообразии образов делает её тем более убедительной. Зачарованность тринацатого века Иоахимом, таким образом, оказывается сродни зачарованности девятнадцатого века философией Гегеля.